

DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-21-33

УДК 008+394.2

ББК 63.5(4Бел)+71.05(4Бел)



This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. Р. Ю. Федоров

г. Тюмень, Россия

МАРКЕРЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00028
и по госзаданию ТюмНЦ СО РАН, проект № АААА-А17-117050400150-2

Аннотация: Крестьянские переселения в Сибирь и на Дальний Восток, получившие массовый характер во второй половине XIX – начале XX вв., способствовали привнесению на их территорию многообразия вариаций календарной обрядности восточных славян, проживавших в разных регионах Российской империи. В их числе заметное место занимает календарная обрядность белорусских переселенцев. Имея общую для всех восточных славян типологическую основу, она обладала рядом особенностей, к которым можно отнести высокую степень локальной вариативности большинства календарных праздников, их специфические названия, уникальные архаические и инновационные элементы и т. д. Основой эмпирической базы исследования послужили материалы этнографических экспедиций, проведенных автором в период с 2009 по 2019 гг. на территории ряда регионов Сибири и Дальнего Востока. В результате сопоставления полевых материалов с этнографическими описаниями, сделанными в период со второй половины XIX до начала XXI вв., были рассмотрены общие тенденции сохранения и трансформаций календарной обрядности белорусских крестьян-переселенцев, а также выявлены ее маркеры в этнокультурной идентичности переселенческих общностей. Установлено, что на протяжении XX в. календарная обрядность переселенцев претерпела ряд трансформаций, на которые оказали влияние такие факторы, как смена природно-климатических условий, смешанные браки, модернизация жизненного уклада советского села, отток молодежи из сельской местности и др. Несмотря на это, отдельные элементы календарной обрядности белорусских крестьян-переселенцев сохраняют свое бытование во фрагментарном виде.

Ключевые слова: белорусы, календарная обрядность, этнокультурная идентичность, межэтнические взаимодействия, трансформации традиционной культуры, крестьянские переселения.

Информация об авторе: Роман Юрьевич Федоров — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, ул. Малыгина, д. 86, 625026 г. Тюмень, Россия. E-mail: r_fedorov@mail.ru

Дата поступления статьи: 13.05.2019

Дата публикации: 28.03.2020

Для цитирования: Федоров Р. Ю. Маркеры этнокультурной идентичности в календарной обрядовости белорусских крестьян-переселенцев // Вестник славянских культур. 2020. Т. 55. С. 21–33. DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-21-33

Крестьянские переселения в Сибирь и на Дальний Восток, получившие массовый характер во второй половине XIX – начале XX вв., способствовали привнесению на их территорию многообразия вариаций календарной обрядности восточных славян, проживавших в разных регионах Российской империи. На протяжении длительного времени изучение особенностей праздников белорусских крестьян-переселенцев оставалось вне поля зрения исследователей. Большинство наиболее значимых публикаций, посвященных этой теме, увидело свет лишь на рубеже XX и XXI столетий. Опираясь на материалы полевых исследований, начатых в конце 1970-х гг. Е. Ф. Фурсовой, были подробно исследованы особенности календарной обрядности белорусских крестьян-переселенцев, проживающих на территории Западной Сибири [23–25 и др.]. Этнографические и фольклорные аспекты народных праздников белорусов Омского Прииртышья были подробно рассмотрены Т. Н. Золотовой, Т. Г. Леоновой, С. А. Мясниковой и др. [9; 11; 13–15]. Календарная обрядность белорусских переселенцев Приморского края была исследована Л. Е. Фетисовой [22]. Опираясь на полевые материалы, собранные на территории Пермского края, народный календарь проживающих на его территории белорусов был рассмотрен в монографии А. В. Черных, Т. Г. Голевой, М. С. Каменских и С. А. Шевырина [4]. На этом фоне малоизученной остается календарная обрядность белорусов, проживавших на территории Восточной Сибири и Приамурья.

Основная задача настоящей статьи состоит в изучении общих тенденций сохранения и трансформаций календарной обрядности белорусских крестьян-переселенцев на территории Сибири и Дальнего Востока, а также выявлении в ней маркеров этнокультурной идентичности переселенческих общностей. Основой эмпирической базы исследования послужили материалы этнографических экспедиций, проведенных автором в период с 2009 по 2019 гг. на территории Республики Башкортостан, Свердловской, Курганской, Тюменской, Иркутской, Амурской областей, а также Красноярского, Хабаровского и Приморского края. География экспедиций, охватившая значительную часть регионов, в которые осуществлялись крестьянские переселения из Белоруссии, позволила рассмотреть как общие, так и региональные особенности календарной обрядности у их носителей, рожденных в 1910–1960-е гг.

Этнографические материалы, собранные в ходе экспедиций, были сопоставлены с рядом ставших уже классическими исследований традиционной культуры белорусов, большая часть из которых была сделана в конце XIX – начале XX вв. [26; 6; 18; 7 и др.]. Учитывая тот факт, что по своим хронологическим рамкам эти работы совпадают с периодом массовых крестьянских переселений, сегодня их можно рассматривать в качестве эталонных этнографических описаний, сопоставление с которыми современных полевых материалов дает возможность проследить общие тенденции сохранения исходных традиций или отклонений от них. Полевые материалы были также сопоставлены с рядом современных исследований календарной обрядности как самих белорусов, так и их нового этнического окружения, что позволило рассмотреть пути развития и взаимодействий ее отдельных элементов, опираясь на сравнительно-исторический и типологический методы [2; 3; 9; 10; 19; 20; 21; 23; 24; 28 и др.].

В статье приведены описания наиболее типичных примеров календарной обрядности белорусских крестьян-переселенцев, которые неоднократно повторялись в рас-

сказах информаторов. В случае исключительности приведенного примера указывается место, где он был зафиксирован.

Календарная обрядность белорусов, имея общую для всех восточных славян типологическую основу, обладала рядом особенностей, к которым можно отнести высокую степень локальной вариативности большинства календарных праздников, их специфические названия, уникальные архаические и инновационные элементы и т. д. Политика поддержки на государственном уровне католицизма, достигшая своего апогея во времена вхождения территории Белоруссии в состав Речи Посполитой в XVII–XVIII вв., способствовала повышению роли в жизни крестьянства стихийно функционирующих народных православных традиций. Поэтому, в отличие от центральных регионов России, многие праздники и обряды белорусов сохраняли к концу XIX – началу XX вв. больше архаических элементов.

В ряде деревень Сибири и Дальнего Востока, основанных переселенцами, праздники рождественского цикла сохранили традиционное белорусское название Коляды. При этом их наиболее значимые дни назывались словом Кутья. Как правило, первая — «постная» или «великая» Кутья приходилась на Щедрый вечер (Сочельник) 6 января по новому стилю. У потомков белорусских переселенцев в Сибири часто можно было встретить обряд «кормления мороза» кутьей. Считалось, что в теплое время года он сможет спасти посевы в поле и огородные растения от заморозков. Накануне старого Нового года наступала вторая Кутья, которую называли «щедрой» или «богатой». В эти дни кутья была обязательным блюдом рождественского стола. В. Я. Пропп связывал эту традицию с сохранением у белорусов пережитков культа предков, который, по мнению исследователя, также был косвенно связан с культом плодородия [17, с. 21]. Третья Кутья приходилась на Крещение. У белорусских переселенцев, проживающих на территории Манского р-на Красноярского края, на нее было принято выпекать блины. В с. Шалинском, расположенном в том же районе, Е. Ф. Фурсовой были ранее зафиксированы рассказы, в соответствии с которыми кроме блинов в этот день обязательным было приготовление каши, которой угощали не только членов семьи и гостей, но также давали ее домашнему скоту, что было характерно для жителей Полесья [25, с. 161]. В д. Черчет Тайшетского р-на Иркутской обл. первый блин, испеченный на Рождество несли в хлев и отдавали овечкам. Местные жители объясняют этот обычай тем, что Христос родился в хлеву. Во многих семьях белорусских переселенцев на Рождество было принято готовить домашние колбасы, включая кровяные, приготовление которых не было характерным для русских [7, с. 147].

Неотъемлемой частью рождественских праздников были колядования, на которые в некоторых деревнях ходили со звездой. Для ее изготовления на деревянный каркас натягивали бумагу, которая изнутри подсвечивалась свечами [1]. В большинстве обследованных нами районов этот обычай не был характерен для русского старожильского населения. Колядующие наряжались в вывернутую шубу, изображая медведя или козу, из коромысла и валенка делали коня, на котором «въезжали в дом», надевали маски различных святочных персонажей, пели колядки и щедровки. В ряде регионов Белоруссии существовал обычай рядиться на святки в проживавших поблизости «инородцев» — цыган и евреев [27, с. 218]. В Приморском крае в качестве подобных святочных персонажей могли выступать представители нового этнического окружения переселенцев — китайцы или корейцы [22, с. 78–79]. В ряде переселенческих деревень утром после Рождества по домам ходили славильщики, в роли которых чаще всего выступали дети или молодежь.

В рождественские дни во многих деревнях молодежь совершала различные «бесчинства». Наиболее часто они сводились к тому, что молодые люди могли подпереть или приморозить у соседей входную дверь, рассыпать сложенную у забора поленницу и т. д. Некоторые представители потомков белорусских переселенцев считают, что эти обычаи имеют достаточно позднее происхождение и относят их возникновение к послевоенному времени. Однако анализ этнографических описаний, сделанных во второй половине XIX – начале XX вв., указывает на то, что ритуальные бесчинства молодежи на территории Полесья являются давней традицией. Наиболее часто они были приурочены к Рождеству или Купале, однако в отдельной местности могли совершаться и в другие праздничные дни [21, с. 393].

В некоторых деревнях белорусских переселенцев к рождественским праздникам были приурочены привнесенные из мест выхода народные православные традиции и обрядовые игры, аналоги которых не встречались у русского старожильского населения. К примеру, в д. Осиновка Викуловского р-на Тюменской обл. на Рождество совершался обряд переноса иконы «Свеча» (Воскресение Христово), которая в течение года поочередно хранится в доме одного из жителей деревни [12]. На территории Омского Прииртышья фольклорными экспедициями 1970–1990-х гг. были зафиксированы особенности бытования игры Женитьба Терешки, приуроченной к святочным обрядам [13].

Церковный праздник Сретенье отмечался во многих семьях переселенцев, однако его белорусское народное название «Грамницы» не везде сохранилось. По народным поверьям, это был единственный день зимы, в который могла случиться гроза. Считалось, что освященные в этот день в церкви свечи обладали магическими свойствами: они могли отгонять злые силы от домашнего скота и оказывать лечебное воздействие на людей. Грамничные свечи часто зажигали во время важных обрядов жизненного цикла, при первом выгоне скотины в поле, а также во время летних гроз.

На Масленицу белорусские переселенцы устраивали уличные гулянья, катания с горок или на лошадях, выпекали блины. В некоторых деревнях кутья в этот день выступала в качестве обрядового блюда [16, с. 50]. В отличие от сибиряков, белорусы чаще придавали значение Масленице как поминальному дню [9]. У белорусских переселенцев Масленица также нередко отождествлялась с праздником, в который поощрялись брачные знакомства молодежи. Тем, кто не вступил своевременно в брак, привязывали колодку или обрубок дерева, исполняя при этом специальные колодийные песни корильного содержания [22, с. 85]. Представители старших поколений белорусских переселенцев отмечают, что такие атрибуты Масленицы, как сжигание чучела, возведение ледяных городков и горок, белорусы позаимствовали у русского старожильского населения Сибири, тогда как на их родине этот праздник отмечался с меньшим размахом.

Так же как и русские, проживавшие в Сибири, белорусские переселенцы выпекали в день памяти Сорока Севастийских мучеников фигурное печенье из пресного теста в виде птиц, которое чаще всего называли словами «сороки» или «птушки». Нередко в тесто одного из печений клали монету, которая доставалась одному из угощаемых. В д. Черчет Тайшетского р-на Иркутской обл. помимо фигурок птиц также выпекали 40 маленьких сдобных булочек, которые называли галушками. Традиционно у белорусов на день Сорока мучеников или на Благовещенье приходился народный праздник Гукане вясны. В этот день девушки собирались на возвышенном месте или залазили на крыши домов и «кликали весну». Для этих целей исполнялись специальные обрядовые песни — «веснянки» — или хором издавались специальные крики-заклинания.

Празднование Пасхи у белорусских переселенцев имело ряд особенностей. К ним можно отнести хождения по домам волочебников, исполнявших особые волочебные песни и собиравших подарки. Несмотря на то что в настоящее время аутентичное бытование волочебных традиций в большинстве деревень оказалось утраченным, о них можно получить представление благодаря архивам и опубликованным материалам фольклорных экспедиций [14]. Традиционное для белорусов название Пасхи «Вялікдзень» со второй половины XX в. стало редко употребляться переселенцами. Во всех обследованных нами районах дома на Пасху было принято украшать ветвями пихты. Белорусы приписывали важные магические свойства вербе, принесенной в дом за неделю до Пасхи. Считалось, что она защищает от пожаров, ударов молнии и не дает заблудиться коровам и другой домашней скотине. В Чистый четверг парились в бане и красили пасхальные яйца. В отдельных переселенческих деревнях в ночь на Пасху было принято выходить во двор и стрелять в небо из ружей. Смысл этого обычая имел ряд объяснений. Некоторые мужчины отмечали, что делали это для того, чтобы охота была удачной. Среди жителей д. Черчет Иркутской обл. сохранилась следующая легенда, объясняющая этот обычай: «Дьявол прикован к скале огромными цепями. Он их грызет весь год от Пасхи до Пасхи. Если ни одного выстрела не произойдет, он эту цепь перегрызет. Ему к Пасхе остается совсем немного для того, чтобы это сделать. И если выстрела не будет — конец света наступит. Только выстрел — цепь опять схватывается и его держит» (ПМА). Среди пасхальных игр широкое распространение имело катание яиц по земле или с помощью специального лотка. Молодежь часто устраивала хороводы, играла в лапту и другие традиционные игры. Родительский день, приходившийся на вторник через неделю после Пасхи, белорусы называли Радуницей. На него обязательным было посещение могил родственников.

Праздник Троицы белорусы также называли словом «Семуха». На него молодежь устраивала хороводы, девушки ходили в лес «завивать березки». Повсеместное распространение имело украшение домов снаружи и внутри ветвями березы. Потомки белорусских переселенцев, проживающие в Муниципальном р-не им. Лазо Хабаровского края рассказывали, что на Троицу на дома некоторых жителей вместо березовых веток могли повесить осиновые, тем самым отмечая, что в этом доме живет ведьма. В разных деревнях белорусских переселенцев поминальными днями являлись Троицкая суббота либо сама Троица. Среди людей пожилого возраста распространено объяснение, в соответствии с которым раньше на кладбище ходили в Троицкую субботу, а когда в советское время этот день стал рабочим, посещать могилы родственников стали на саму Троицу.

Многие особенности празднования белорусскими переселенцами Купалы (Иванова дня) не имели аналогов в народном календаре русских старожилов Сибири. Как правило, на Купалу на возвышенном месте возле реки из засохших березовых веток, оставшихся после украшения домов на Троицу, разводили большой костер, вокруг которого водили хоровод. Собравшиеся у реки девушки плели венки и кидали их в воду. Костры могли также разжигать на перекрестках улиц. Считалось, что прыжки через купальский костер очищают человека от болезней. Во многих деревнях было принято катать с возвышенных мест горящие деревянные колеса от телег, обмотанные тряпками, пропитанными дегтем. В настоящее время вместо них чаще всего жгут старые резиновые покрышки. Описанные детали типичны для белорусов, тогда как для русских разведение костров на Иванов день не было характерно [7, с. 396]. Купала в первую очередь был праздником молодежи, в его структуре отчетливо прослеживаются сле-

ды древнеславянских игр. В соответствии с народными поверьями считалось, что только на купальскую ночь многие растения в лесу приобретают магические свойства и в это время цветет папоротник. Нашедший его человек станет всемогущим и начнет понимать языки птиц, зверей и растений. Во многих деревнях с Иванова дня начинался сезон купания в водоемах. Белорусские переселенцы, проживавшие в д. Староалександровка Братского р-на Иркутской обл. считали, что на Купалу нужно было обязательно семь раз искупаться в реке. Полевые исследования указывают на то, что потомки белорусских переселенцев реже отмечают Купалу в тех деревнях, где поблизости нет водоемов. Так же как и в рождественские дни, в ряде деревень молодежь на Купалу нередко устраивала различные «бесчинства»: обливала на улицах водой прохожих, замазывала окна домов коровьим навозом, подпирала двери дровами или ставила около них «стуколки», к которым привязывали веревки. Достаточно стойкими оказались рассказы, связанные с тем, что в ночь на Купалу колдуны имеют возможность принимать обличье животных: «Один парень прыгал на Купалу через костер и увидел лягушку. Он ее поймал, и глаз ей выколол. Приходит домой, matka плачет сидит, говорит, что глаз заболел. На другой Купала опять поймал лягушку, взял и разодрал ее. Отгуляли, приходят, matka лежит, и говорит, что ей разорвали ноги. После этого она нараскарячку ходила» (ПМА, д. Ермаки Викуловского р-на Тюменской обл.). Как отмечала Е. Ф. Фурсова, «праздник Ивана Купала был знаковым для ведьм, колдунов, оборотней, которые выявлялись селянами в этот день: разными способами им травмировали конечности, уши и пр. Таким образом, в эти дни их как бы “метили” и с соответствующими “метками” они проживали остальную жизнь» [24, с. 63].

Некоторые особенности купальских обрядов белорусских переселенцев можно рассматривать в качестве важных маркеров их этнокультурной идентичности и межэтнических взаимодействий. К примеру, в д. Андрюшино Куйтунского р-на Иркутской обл. гродненские и витебские переселенцы, проживавшие на разных концах деревни, разводили на Купалу отдельные костры. На территории Иглинского р-на Республики Башкортостан, в результате переселения жителей хуторов, большую часть населения которых составляли белорусы и латыши, сложился поселок Балтика. Во второй половине XX в. для его населения стали характерны не только смешанные браки, но и взаимопроникновение целого ряда этнических традиций. Их ярким примером стало то, что белорусы начали отмечать вместе с латышами их народный праздник Лиго, благодаря его сходству с Купалой.

Согласно народному календарю белорусов, осень начиналась с Ильина дня. После него существовал запрет на купание в водоемах. У белорусов, так же как и у других восточных славян, был развит комплекс праздников и обрядов, связанных со сбором осеннего урожая [7, с. 59–73]. На сегодняшний день его многие детали не сохранились в памяти потомков переселенцев. В частности, в большинстве деревень давно прекратил свое бытование имевший распространение у белорусов праздник Богач. Во время него в день осеннего равноденствия в специальный короб собирали зерно, обмолоченное с первого снопа, в которое вставляли восковую свечу. После обхода с ним деревни этот короб на протяжении года хранился в одном из домов ее жителей. Не были нами зафиксированы и описанные в конце XIX в. рассказы об изготовлении из последнего снопа венка или «бабы» [26, с. 268–269].

Во второй половине XX в. потомки белорусских крестьян-переселенцев чаще всего называли праздник сбора урожая словами Дожинки, Обжинки или Обмолотки. Утрата его многих основополагающих обрядовых элементов была связана как с техни-

ческой модернизацией, так и с изменением социально-экономического значения земледелия в советском селе. В связи с этим многие традиционные обрядовые элементы этого праздника оказались утраченными, и, в соответствии с рассказами местных жителей, он чаще всего сводился к посиделкам в поле, на берегу реки, в сельском клубе или чьем-то доме, продукты для которых собирались в складчину. В отдельных деревнях праздник не был привязан к конкретному календарному дню и отмечался после того, как был закончен сбор урожая. В других местах его старались приурочить к 7 ноября. Начиная с 1990-х гг. в связи с ликвидацией колхозов и совхозов значение осенних земледельческих праздников оказалось окончательно утраченным. На их фоне более стойким оказался день Покрова Пресвятой Богородицы, который сегодня продолжает ассоциироваться у многих людей с завершением основных работ на приусадебных участках.

Перед началом Рождественского поста во время убоя свиней устраивались Загвины (Заговенья). В разных деревнях они могли быть приурочены к окончанию сбора урожая или к Филиппову дню. В д. Черчет Тайшетского р-на Иркутской обл. эти дни называли словом Свежина. В относящийся к ним период жители деревни по очереди забивали свиней, угощая их мясом соседей, практикуя распределенную систему пищевых даров. Никола зимний, отмечаемый в декабре, в ряде деревень белорусских переселенцев выполнял функцию съезжего праздника. Он являлся последним крупным календарным праздником в году.

Как справедливо отмечал К. В. Чистов, разграничение календарных и семейных обрядов восточных славян условно не только ввиду сходства форм и функций многих обрядовых действий, но и благодаря общей основе, на которой они возникли [28, с. 396]. В этом плане изучение календарной обрядности белорусских крестьян-переселенцев не будет полным без рассмотрения особенностей приуроченности некоторых семейных обрядов к традиционному праздничному календарю. К примеру, в большинстве обследованных на территории Сибири деревень имевшие распространение у белорусов поминальные дни Деды лучше всего сохранились на Дмитриевскую субботу (так называемые Осенние Деды). На территории Омского Прииртышья также фиксировались стойкие традиции приуроченности Дедов Рождественскому сочельнику, Родительской субботе перед Масленицей, Радунице, Троицкой субботе и субботе перед Покровом [8, с. 28]. Свадьбы наиболее часто устраивались осенью в период между Покровом и Филипповым заговеньем, а также между Крещением и Масленицей, реже — на Троицу. Во время постов, в рождественские дни, а также в ряде случаев в период между Пасхой и Троицей свадьбы не устраивали.

В приведенном выше обзоре представлены лишь наиболее устойчивые и яркие примеры календарной обрядности белорусов, проживавших на территории Сибири и Дальнего Востока. При этом, как отмечала Л. Е. Фетисова, ряд других (в первую очередь двенадцатых) праздников, соотносимых народом прежде всего с церковной обрядностью, не имел столь выраженных этнографических особенностей [22, с. 103]. Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что на протяжении XX в. календарная обрядность белорусских переселенцев претерпела ряд существенных трансформаций. Они были обусловлены целым комплексом факторов. Благодаря нарастающему числу смешанных браков, в календарную обрядность белорусов стало проникать все больше элементов, характерных для других территориально-этнографических групп восточных славян. Например, представители старших поколений белорусских переселенцев отмечают, что ряд элементов празднования Масленицы был ими позаимствован

у русских старожилов. В некоторых случаях отличные от мест выхода переселенцев природно-климатические условия влияли на значение отдельных календарных праздников. К примеру, празднование имевшего важное значение в народном календаре белорусов Юрьева дня плохо сохранилось во многих сибирских деревнях, как ввиду более поздних сроков выгона скота на пастбища в некоторых районах, так и благодаря круглогодичному сочетанию его стойлового содержания с выпасом в той местности, для которой была характерна малоснежная зима [5, с. 48–51]. Благодаря более позднему окончанию зимы в Сибири у проживавших на ее территории белорусских переселенцев празднование Гуканне выясны чаще фиксировалось на Благовещенье. Большое влияние на трансформации календарной обрядности белорусских крестьян-переселенцев оказали изменения в жизненном укладе советской деревни, связанные с реализацией политики атеизма, упразднением существовавших ранее традиционных выходных дней и появлением новых советских праздников, внедрением социалистических форм труда и т. д. Начавшийся в 1990-е гг. отток молодежи из сельской местности еще более усугубил проблему воспроизводства народной календарной обрядности. Для этой ситуации стало характерным смещение смысловых акцентов в некоторых праздниках. К примеру, Троица преимущественно сохранила значение поминального дня среди представителей старших поколений.

Под воздействием перечисленных выше факторов на сегодняшний день элементы традиционной календарной обрядности белорусских крестьян-переселенцев сохранились лишь во фрагментарном виде. Важнейшими из них остаются Рождество и Пасха, однако эти праздники утратили большинство архаических деталей, сохранив лишь свое общехристианское значение. В поддержании этнокультурной идентичности потомков белорусских переселенцев важное место занимает Купала. На сегодняшний день в ряде деревень бытование этого праздника поддерживается искусственно стараниями местных администраций, фольклорных коллективов или национальных автономий. Их силами проводятся реконструкции не только Купалы, но и ряда других праздников, однако они не во всех случаях опираются на аутентичные традиции переселенцев, и в последнее время нередко могут быть заимствованы из этнографической литературы, а также описаний, доступных в Интернете. Поэтому детали большинства праздников и обрядов белорусских переселенцев сегодня возможно реконструировать лишь по устным рассказам представителей старших поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Багашев А. Н., Федоров Р. Ю. Народные православные традиции белорусских крестьян-переселенцев в Зауралье // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 56–63.
- 2 Белорусы / отв. ред. В. К. Бондарчик, Р. А. Григорьева, М. Ф. Пилипенко. М.: Наука, 1998. 503 с.
- 3 Ганицкая О. А., Григорьева Р. А. Белорусы. Историко-этнографический очерк традиционной культуры // Материалы к серии «Народы и культуры». М.: Изд-во КМЦ ИЭА РАН, 1992. Вып. XXVI. 138 с.
- 4 Голева Т. Г., Каменских М. С., Черных А. В., Шевырин С. А. Белорусы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб.: Маматов, 2013. 288 с.
- 5 Громько М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 с.
- 6 Добровольский В. К. Смоленский этнографический сб. М.: Тип. А. В. Васильева, 1903. Ч. 4. 720 с.

- 7 Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.
- 8 Золотова Т. Н. Поминальные традиции у сибирских белорусов // Традиционная культура. 2013. № 2 (50). С. 24–29.
- 9 Золотова Т. Н. Традиционный праздничный календарь восточнославянского населения Зауралья и Западной Сибири. М.: Ин-т наследия, 2017. 286 с.
- 10 Коваль У. І., Новак А. С. Беларуская народныя святы і звычаі. Гомель: Изд-во ГДУ імя Ф. Скарыны, 1993. 89 с.
- 11 Леонова Т. Г. Фольклорный репертуар сибирских сел с разным составом населения // Фольклор и литература Сибири. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1975. Вып. 2. С. 23–44.
- 12 Лобачевская О. А., Федоров Р. Ю. «Свеча» в Сибири: этнографический и культурно-антропологический аспекты бытования обряда у белорусских переселенцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16). С. 72–82.
- 13 Мясникова С. А. Белорусская святочная игра «Женитьба Терешки» в Омском Прииртышье: Бытование и фиксация // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. № 4 (26). С. 74–80.
- 14 Мясникова С. А. «Волочешники волочились...» — волочешные песни белорусских переселенцев Омского Прииртышья // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 13–22.
- 15 Мясникова С. А. Белорусские святки в Омском Прииртышье (характеристика архивных и опубликованных материалов) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2017. № 1 (32). С. 42–47.
- 16 Ойноткинова Н. Р., Дайнеко Т. В. Весенний календарный цикл алтайцев и белорусов-переселенцев Сибири: Дылыгайак и Масленица // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2017. № 1 (32). С. 48–57.
- 17 Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. М.: Лабиринт, 2009. 176 с.
- 18 Романов Е. Р. Белорусский сб. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1912. Вып. 8. Быт белоруса. 600 с.
- 19 Светачева У. В. Духовная культура белорусских переселенцев по материалам этнографической экспедиции Минусинского музея им. Н. М. Мартыанова 2017 г. // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история): 2017 г., мат. XIII междунар. науч.-практич. конф. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2018. С. 279–283.
- 20 Титовец А. В. Фольклорно-этнографическая традиция и ее трансформация в пространстве и времени // Традиционная культура белорусов во времени и пространстве. Минск: Беларуская навука, 2013. С. 124–161.
- 21 Толстая С. М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005. 600 с.
- 22 Фетисова Л. Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток: Приморская краевая организация добровольного общества любителей книг России, 2002. 240 с.
- 23 Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия. Новосибирск: Арга, 2002. Ч. 1: Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. 287 с.
- 24 Фурсова Е. Ф. Календарные праздники восточнославянского населения Западной Сибири как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – первая треть XX в.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. Ч. 2. 268 с.

- 25 Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи белорусских переселенцев Сибири // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 150–221.
- 26 Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1902. Т. 3. 535 с.
- 27 Чернявская Ю. В. Белорусы: От «тутэйших» к нации. Минск: ФУАинформ, 2010. 512 с.
- 28 Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М.: Наука, 1987. 558 с.

© 2020. Roman Yu. Fedorov
Tyumen, Russia

MARKERS OF ETHNOCULTURAL IDENTITY IN CALENDAR CEREMONIALISM OF THE BELARUSIAN PEASANTS-MIGRANTS

Acknowledgements: This research is supported by RFBR, project No. 18-09-00028 and by the state task, Tyumen SC of SB of RAS, project No. AAAA-A17-117050400150-2.

Abstract: Peasant migrations to Siberia and to the Far East of Russia in the second half of 19th – early 20th century allowed for a wide distribution on their territory of numerous variations of calendar ceremonialism of East Slavs living in different regions of the Russian Empire. Among them calendar ceremonialism of the Belarusian migrants occupies noticeable place. Having a general typological basis for all East Slavs, it possessed a number of features including a high degree of local variability of the majority of calendar holidays, their distinctive names, unique archaic and innovative elements, etc. Materials from ethnographic expeditions conducted by the author during the period from 2009 to 2019 within a number of regions of Siberia and the Far East formed an empirical base of the research. As a result of comparison of the field materials with the ethnographic descriptions made during the period from the second half of 19th up to the beginning of the 21st century the general trends of preservation and transformations of calendar ceremonialism of the Belarusian peasants-migrants in Siberia and the Far East were examined along with detecting its value in terms of ethnocultural identity of its local communities. The study determined that for the 20th century calendar ceremonialism of migrants underwent a series of transformations with such factors as change of climatic conditions, mixed marriages, modernization of a way of life of the Soviet time, outflow of youth from rural areas having an impact on them. Nonetheless, individual elements of calendar ceremonialism of the Belarusian peasants-migrants keep their existence in a fragmentary way.

Keywords: Belarusians, calendar ceremonialism, ethnocultural identity, interethnic interactions, transformations of traditional culture, peasant migrations.

Information about author: Roman Yu. Fedorov — PhD in Philosophy, Senior Researcher, Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Malygina St. 86, 625026 Tyumen, Russia. E-mail: r_fedorov@mail.ru

Received: May 13, 2019

Date of publication: March 28, 2020

For citation: Fedorov R. Yu. Markers of ethnocultural identity in calendar ceremonialism of the Belarusian peasants-migrants. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 55, pp. 21–33. (In Russian) DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-21-33

REFERENCES

- 1 Bagashev A. N. Fedorov R. Iu. Narodnye pravoslavnye traditsii belorusskikh krest'ian-pereselentsev v Zaural'e [Popular orthodox traditions of Belarusian peasants-settlers in Trans-Ural]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2013, no 2 (39), pp. 56–63. (In Russian)
- 2 Belorusy [Belarusians], responsible edited by V. K. Bondarchik, R. A. Grigor'eva, M. F. Pilipenko. Moscow, Nauka Publ., 1998. 503 p. (In Russian)
- 3 Gantskaia O. A., Grigor'eva R. A. Belorusy. Istoriko-etnograficheskii ocherk traditsionnoi kul'tury [Belarusians. Historical and ethnographic essay of traditional culture]. *Materialy k serii "Narody i kul'tury"* [Materials for the series "Peoples and cultures"]. Moscow, Izdatel'stvo KMTs IEA RAN Publ., 1992. Vol. XXVI. 138 p. (In Russian)
- 4 Goleva T. G., Kamenskikh M. S., Chernykh A. V., Shevyrin S. A. *Belorusy v Permskom krae: ocherki istorii i etnografii* [Belarusians in the Perm` region: essays on history and ethnography]. St. Petersburg, Mamatov Publ., 2013. 288 p. (In Russian)
- 5 Gromyko M. M. *Mir russkoi derevni* [The world of the Russian village]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1991. 446 p. (In Russian)
- 6 Dobrovol'skii V. K. *Smolenskii etnograficheskii sbornik* [Smolensk ethnographic collection]. Moscow, Tipografiia A. V. Vasil'eva Publ., 1903. Ch. 4. 720 p. (In Russian)
- 7 Zelenin D. K. *Vostochnoslavianskaia etnografiia* [East Slavic Ethnography]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 511 p. (In Russian)
- 8 Zolotova T. N. Pominal'nye traditsii u sibirskikh belorusov [Memorial traditions of Siberian Belarusians]. *Traditsionnaia kul'tura*, 2013, no 2 (50), pp. 24–29. (In Russian)
- 9 Zolotova T. N. *Traditsionnyi prazdnichnyi kalendar' vostochnoslavianskogo naseleniia Zaural'ia i Zapadnoi Sibiri* [Traditional holiday calendar of the East Slavic population of Trans-Ural and Western Siberia]. Moscow, Institut naslediia Publ., 2017. 286 p. (In Russian)
- 10 Koval' U. I., Novak A. S. *Belaruskii narodnyia sviaty i zvychai* [Belarusian folk holidays and customs]. Gomel', Izdatel'stvo GDU imia F. Skaryny Publ., 1993. 89 p. (In Belarusian)
- 11 Leonova T. G. Fol'klorny repertuar sibirskikh sel s raznym sostavom naseleniia [Folklore repertoire of Siberian villages with different population composition]. *Fol'klor i literatura Sibiri* [Folklore and literature of Siberia]. Omsk, Izdatel'stvo OmGPU Publ., 1975, vol. 2, pp. 23–44. (In Russian)
- 12 Lobachevskaia O. A., Fedorov R. Iu. "Svecha" v Sibiri: etnograficheskii i kul'turno-antropologicheskii aspekty bytovaniia obriada u belorusskikh pereselentsev ["Candle" in Siberia: ethnographic and cultural-anthropological aspects of rite`s existence among Belarusian immigrants]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2012, no 1 (16), pp. 72–82. (In Russian)
- 13 Miasnikova S. A. Belorusskaia sviatochnaia igra "Zhenit'ba Tereshki" v Omskom Priirtysh'e: Bytovanie i fiksatsiia [Belarusian Yule game "Tereshka's Marriage" in the Omsk Priirtyshye: Existence and fixation]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniia*, 2016, no 4 (26), pp. 74–80. (In Russian)

- 14 Miasnikova S. A. “Volochebniki volochilisia...” — volochebnye pesni belorusskikh pereselentsev Omskogo Priirtysh'ia [“Wanderers were wandering...” — wanderers' songs of Belarusian immigrants Omsk Irtysh region]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2017, no 1, pp. 13–22. (In Russian)
- 15 Miasnikova S. A. Belorusskie sviatki v Omskom Priirtysh'e (kharakteristika arkhivnykh i opublikovannykh materialov) [Belarusian Yuletide in the Omsk Irtysh region (characteristics of archival and published materials)]. *Iazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri*, 2017, no 1 (32), pp. 42–47. (In Russian)
- 16 Oinotkinova N. R., Daineko T. V. Vesennii kalendarnyi tsikl altaitsev i belorusov-pereselentsev Sibiri: D'ylgaiak i Maslenitsa [The spring calendar cycle Altai and Belarusian settlers of Siberia: Dalgic and Carnival]. *Iazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri*, 2017, no 1 (32), pp. 48–57. (In Russian)
- 17 Propp V. Ia. *Russkie agrarnye prazdniki. Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniia* [Russian agricultural holidays. Experience of historical and ethnographic research]. Moscow, Labirint Publ., 2009. 176 p. (In Russian)
- 18 Romanov E. R. *Belorusskii sbornik* [Belarusian collection]. Vil'na, Tipografiia A. G. Syrkina Publ., 1912. Vol. 8. Byt belorusa [The life of Belarusians]. 600 p. (In Russian)
- 19 Svetacheva U. V. Dukhovnaia kul'tura belorusskikh pereselentsev po materialam etnograficheskoi ekspeditsii Minusinskogo muzeia im. N. M. Mart'ianova 2017 g. [Spiritual culture of Belarusian immigrants based on the materials of the ethnographic expedition of the Minusinsk Museum. N. M. Martyanova 2017]. *Polevye issledovaniia na Altae, v Priirtysh'e i Verkhnem Priob'e (arkheologiya, etnografiia, ustnaia istoriia): 2017 g., materialy XIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Field research in the Altai, Priirtyshye and Upper Ob (archaeology, Ethnography, oral history): 2017, materials of the XIII international scientific and practical conference]. Gorno-Altajsk, Izdatel'stvo GAGU Publ., 2018, pp. 279–283. (In Russian)
- 20 Titovets A. V. Fol'klorno-etnograficheskaia traditsiia i ee transformatsiia v prostranstve i vremeni [Folklore and ethnographic tradition and its transformation in space and time]. *Traditsionnaia kul'tura belorusov vo vremeni i prostranstve* [Traditional culture of Belarusians in time and space]. Minsk, Belaruskaiia navuka Publ., 2013, pp. 124–161. (In Russian)
- 21 Tolstaia S. M. *Polesskii narodnyi kalendar'* [National calendar of Polesye]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 600 p. (In Russian)
- 22 Fetisova L. E. *Belorusskie traditsii v narodno-bytovoi kul'ture Primor'ia* [Belarusian traditions in the national culture of Primorye]. Vladivostok, Primorskaia kraevaia organizatsiia dobrovol'nogo obshchestva liubitelei knig Rossii Publ., 2002. 240 p. (In Russian)
- 23 Fursova E. F. *Kalendarnye obychai i obriady vostochnoslavianskikh narodov Novosibirskoi oblasti kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodeistviia* [Calendar customs and rites of the East Slavic peoples of the Novosibirsk region as a result of interethnic interaction]. Novosibirsk, Argo Publ., 2002. Part 1. Obychai i obriady zimne-vesennego perioda [Customs and rites of the winter-spring period]. 287 p. (In Russian)
- 24 Fursova E. F. *Kalendarnye prazdniki vostochnoslavianskogo naseleniia Zapadnoi Sibiri kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodeistviia (konets XIX – pervaiia tret' XX v.)* [Calendar holidays of the East Slavic population of Western Siberia as a result of interethnic interaction (the end of the 19th – the first third of the 20th century)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo IAET SO RAN Publ., 2003. Part 2. 268 p. (In Russian)

- 25 Fursova E. F. Kalendarnye obychai belorusskikh pereselentsev Sibiri [Calendar customs of Belarusian immigrants in Siberia]. *Belorusy v Sibiri: sokhranenie i transformatsii etnicheskoi kul'tury* [Belarusians in Siberia: preservation and transformation of ethnic culture]. Novosibirsk, Izdatel'stvo IAET SO RAN Publ., 2011, pp. 150–221. (In Russian)
- 26 Shein P. V. *Materialy dlia izucheniia byta i iazyka russkogo naseleniia Severo-Zapadnogo kraia* [Materials for studies of the life and language of the Russian population of the North-Western region]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1902. Vol. 3. 535 p. (In Russian)
- 27 Cherniavskaia Iu. V. *Belorusy: Ot "tuteishikh" knatsii* [Belarusians: From "tuteyshyh" ("of this place") to the nation]. Minsk, FUAinform Publ., 2010. 512 p. (In Russian)
- 28 *Etnografiia vostochnykh slavian. Ocherki traditsionnoi kul'tury* [Ethnography of the Eastern Slavs. Essays on traditional culture]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 558 p. (In Russian)